

с похитителями овощей в огороде инока Григория. В другом месте своего исследования В. П. Адрианова-Перетц снова возвращается к этому эпизоду. «Любопытные аналогии, — пишет она, — дают переводные патерики к рассказу о Григории Чудотворце. Выше мы показали ... что главное содержание печерского предания составляет описание столкновений Григория с ворами, которых он то усыплял, то делал неподвижными и отпускал лишь с условием, что они станут трудиться, притом не только на себя, но и на других».⁴ В качестве параллели к этому рассказу исследовательница приводит два текста из патеричной литературы. Прежде всего она указывает на одно место «Луга духовного» греческого писателя Иоанна Мосха, жившего в VI—начале VII в.⁵

«Параллель к этим эпизодам, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — дает рассказ из Луга духовного, переданный сарацином язычником: на горе Антония он увидел инока, читавшего книгу, и задумал ограбить, „а может быть, и убить“ его. Когда сарацин приблизился к иноку, тот „простер“ руку и сказал „стой“. Двое суток стоял сарацин и взмолился: „Ради бога, которого ты чтить, отпусти меня“. Инок сказал: „Ступай с миром“. Как видим, — продолжает В. П. Адрианова-Перетц, — один и тот же мотив — вор наказан неподвижностью — разработан по-разному. В Киево-Печерском монастыре он вошел в целые бытовые рассказы из жизни монастыря, наказание ведет к раскаянию воров».⁶ Вторая параллель извлечена из сочинения еленопольского епископа Палладия (умер около 431 г.) «Лавсаик». Авва Феон подвергся нападению разбойников, надеявшихся найти у него золото. «Святой помолился, и они до утра остались недвижимы у дверей его. Утром собрался народ и хотел сжечь разбойников, но Феон попросил отпустить их невредимыми ... Отпущенные разбойники раскаялись и переменили жизнь свою».⁷ По мнению советской исследовательницы, «фантастика — одни воры уснули на пять дней, другие стояли неподвижно два дня — вплелась в бытовой рассказ о том, как монастырь привлекал к себе работников, хотя бы в прошлом они были ворами».⁸

В обоих патериковых рассказах, приведенных в качестве аналогий, как было уже показано в опубликованной много лет назад статье,⁹ содержится широко распространенный в агиографической литературе мотив. Основой для него послужил известный эпизод из Библии (III Книга Царств, XIII, 1—6), о еврейском царе Иеровоаме: «И се человек божий прииде от Иуды по словеси господню в Вефил, и Иеровоам стояше на олтари своем жрети хотя. И воззва ко олтарю словом господним и рече: „Олтарю, олтарю, сице глаголет господь: се сын раждается дому Давидову, Иосиа имя ему, и пожрет на тебе жрецы, иже на высоких жрущия на тебе, и кости человеческия сожжет на тебе. И даст в день той чудо, глаголя: Сей глагол,

⁴ Там же, стр. 66.

⁵ Текст приводится в русском переводе: Луг духовный Творение блж. Иоанна Мосха. Перевод с греч. М. И. Хитрово. Св. Троицкая Сергиевская лавра, 1896, стр. 160—161.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения... стр. 66.

⁷ Приводится по русскому переводу: Палладия епископа Еленопольского Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850, стр. 151. В. П. Адрианова-Перетц (Задачи изучения... стр. 66, прим. 40) указывает также на рассказ об отшельнике Моисее эфиоплянине и нападении на него разбойников из того же «Лавсаика» (там же, стр. 75—76).

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения... стр. 66.

⁹ Ив. Дуйчев. Легендарный мотив у Григория Цамблака. — Slavia, Praha, roč. XXI, 1953, seš. 2—3, стр. 345—349.